

Глава 13. Я спасу вас

«Охота злых кошек».

Стоило этим словам прозвучать, как покалеченные морские свинки, тесно прижавшись друг к другу в Стеклянном доме, в ужасе заверещали. Безмолвие мгновенно взорвалось оглушительным писком. Паника передавалась от одного зверька к другому, словно жар от закипающего чайника. Липкий страх, точно вирус, расползался по этой некогда просторной клетке, которая теперь казалась слишком тесной для горстки уцелевших.

Новички испуганно заметались из угла в угол, а самые крошечные принялись зарываться в буро-зелёную Тимофеевку, пытаясь спрятаться.

— Такие домашние, залюбленные свинки, как вы, наверняка много знают о людях от своих хозяев, — проскрипел молодой морской свин. Голос его оставался резким и неприятным, но говорил он на удивление спокойно, будто глубокая рана на шее совсем его не беспокоила.

— «Охота злых кошек»? Это люди придумали такую забаву? Я никогда о подобном не слышал, — Шигуй безуспешно попытался воскресить в памяти прошлое.

Вдруг он почувствовал, как к спине прижалось что-то мягкое. Оглянувшись, он обнаружил Сяо Хуэя — серый пушистый комочек забился позади него, спрятав даже нос.

Чёрный Пёс молча замерла рядом, чутко поводя ушами, но при этом внимательно прислушивалась к рассказу молодого свина.

— Впрочем, откуда вам знать, — горько усмехнулся тот. — Я и сам понятия не имел об этом кошмаре, пока прежний хозяин не выбросил меня здесь.

Шигуй зацепился за самое важное слово. Внутри шевельнулось недоброе предчувствие.

— Выбросил? Хочешь сказать, твой хозяин оставил тебя здесь намеренно?

Чёрный Пёс тоже вскинула голову. В её обычно свирепом, налитом кровью взгляде вдруг угасла былая ярость, уступив место неожиданному сочувствию.

Молодой свин не ответил. Он лишь безучастно продолжил:

— Слышали когда-нибудь о гладиаторских аренах? Там голодных, свирепых хищников запирали с беззащитными рабами. Хозяева ликовали на трибунах, пока несчастные бились насмерть. Погибшие шли на корм зверям, а выжившие получали от господ щедрую награду — право протянуть ещё несколько дней. До следующего боя.

— Значит, «Охота злых кошек» — это кошки как те самые дикие звери на арене! — мгновенно сообразил Шигуй.

— Да о чём вы вообще говорите? Я здесь уже несколько дней, но мне никто ничего подобного не рассказывал! — вмешался Мякиш, трёхцветный морской свин, наблюдавший за ними со стороны.

— Они молчат не из вредности, — безучастно бросил на него взгляд молодой свин. Мякиш выглядел слишком бодрым и весёлым для здешнего узника. — Просто те, кому посчастливилось уцелеть, давно потеряли надежду. Они целыми днями лежат в углах, и единственное, что им осталось — ждать смерти.

— Но ведь если выбраться отсюда, можно вернуться к хозяевам! Одно воспоминание об этом придаёт мне сил. Почему они опустили лапки? Когда я пытаюсь с ними заговорить, они даже не смотрят в мою сторону, — искренне недоумевал Мякиш. Чёрное пятнышко на его ухе забавно подёргивалось при каждом слове.

— Ты думаешь, всех свинок оберегают от невзгод, как вас? Думаешь, каждого дома ждёт любящий человек? — Голос молодого свина сорвался на хрип. С трудом сдерживая волнение, он шаг за шагом надвигался на Мякиша, и в его взгляде читалась такая ярость, какая редко встречается даже у людей. — Дослушайте меня до конца, и все ваши иллюзии рассеются.

Мякиш в испуге отпрянул на пару шагов. Свин лишь презрительно фыркнул и аккуратно провёл тонкими, как ниточки, лапками по изуродованной шее.

Шигуй терпеливо ждал продолжения. В его голове уже начала складываться страшная картина происходящего, и финал этой истории явно не сулил ничего хорошего.

Свин вновь заговорил своим надрывным голосом:

— Вообще-то, у меня есть имя. Зовут меня Изящный. Когда-то один богатей купил меня у уличного торговца, чтобы подарить своей девушке — моей первой хозяйке. Помню, как она ласково улыбалась, прижимая меня к себе, и ворковала: «Этот шоколадный гладкошёрстный малыш такой изящный, просто пушистый комочек! А голосок у него чистый, звонкий, будто песенку поёт. Назову-ка я его Изящным».

При этих словах Шигуй и Мякиш невольно присмотрелись к телу собеседника. Даже Чёрный Пёс, не прекращая бдеть, краем глаза взглянула на Изящного.

Перед ними предстал ходячий скелет. Под блёклой, облезлой шоколадной шёрсткой отчётливо проступали острые рёбра и позвонки. Осунувшаяся мордочка казалась неестественно угловатой, а тонкая сухая кожа обтягивала кости так плотно, что на тельце не угадывалось ни грамма жира. Тонкие, безжизненные лапки выглядели настолько хрупкими, что, казалось, могли сломаться от любого неосторожного движения.

В его нынешнем облике не осталось и следа от прежней мягкости или красоты, а хриплый голос напоминал лишь раздражающий уличный шум, лишённый даже намёка на былую музыкальность.

Изящный, похоже, давно привык к чужим взглядам. Он и без слов знал, что прочитает в них — брезгливость или приторную жалость. Однако, подняв глаза и окинув взором новоприбывших, он вдруг замер от неожиданности.

В глазах Шигуя и Мякиша не было ни тени брезгливости. Напротив, в них светилось глубокое, почти забытое им сострадание. Даже свирепая с виду Чёрный Пёс смотрела на него с молчаливой поддержкой, а пугливый серый Сяо Хуэй, выглядывая из-за спины Шигуя, выказывал искреннюю тревогу.

Колочий сарказм, который Изящный собирался было обрушить на слушателей, мгновенно испарился. Смутившись, он продолжил уже гораздо мягче, пусть голос его по-прежнему резал слух:

— Первая хозяйка души во мне не чаяла. Покупала всё, что я ни пожелаю... То было самое счастливое время в моей жизни. Но однажды они расстались, и я стал ей в тягость. Меня просто вернули тому богатею. А зачем мужчине хранить вещи бывшей? Тот парень обожал азартные игры, а больше всего — подпольные бои.

— Так я и оказался в этой дыре. Теперь я просто гладиатор поневоле. Моя единственная задача — выжить любой ценой или закончить свои дни в кошачьем желудке. Люди делают на нас ставки, спорят, сколько раундов продержится тот или иной бедолага. У каждой свинки в этом Стеклянном доме есть свой хозяин- «букмекер». Половина здешних пленников — такие же залюбленные домашние питомцы, которых сперва носили на руках, а потом хладнокровно вышвырнули на смерть. Моя история для них — обычное дело. И как после этого верить людям? Откуда у них возьмётся воля к жизни после такого предательства?

— Вторая половина — это свинки, скупленные где попало специально ради ставок. Зрители разбирают их перед началом резни. Ну а этот наивный... Мякиш, скорее всего, просто удрал из дома, попался живоде́рам и был продан сюда вместе с остальным живым товаром.

— Я торчу в этом Стеклянном доме уже месяц и пережил четыре «Охоты злых кошек». Никто не знает здешние порядки лучше меня. А те, кто знал, давно сдохли. Или превратились вот в это, — Изящный махнул лапкой куда-то вглубь вольера.

Остальные свинки в панике расступились. На полу лежала совершенно лысая морская свинка, у которой осталась всего одна задняя лапка. Вместо трёх остальных конечностей зияли ужасные обрубки, сочащиеся жёлтым гноем. Несчастное создание едва дышало. Шигуй едва мог слышать эти угасающие хрипы, которые с каждой секундой становились всё слабее.

— Всё повторяется каждые семь дней. Каждую субботу ровно в два часа дня раздаётся механический звонок. В левой стене Стеклянного дома открывается дверца, и внутрь

запускают четырёх злобных чёрных кошек, которых перед этим морили голодом три дня. С горящими зелёными глазами они начинают охоту. Эти калеки вокруг нас — те, кто чудом уцелел в прошлую «Охоту злых кошек». Но в следующую субботу без лап им уже не спастись. Свой шрам на шее я получил именно тогда, — Изящный снова коснулся раны, и в его глазах промелькнул застарелый ужас.

— Дверца? — оживился Шигуй. — Что она из себя представляет? Она прочнее, чем эта железная вентиляционная сетка?

Изящный посмотрел на Шигуя, и в его круглых чёрных глазках отразилась бесконечная тоска:

— Наоборот. Она куда слабее. Любая свинка при желании могла бы перегрызть её своими зубами, потратив совсем немного времени. Но...

— Но вам не дают даже приблизиться к ней, — закончил за него Шигуй.

— Именно. С той стороны всегда дежурит свирепая кошка. А что снаружи... я не знаю. Ни разу там не был. За весь этот месяц ни одна свинка не сумела прорваться на волю.

— Каждые два часа здесь проходят патрульные гончие. Если я правильно рассчитал время, они появятся минут через десять, — Изящный говорил пугающе спокойно. — А через три дня начнётся новая «Охота злых кошек».

— Шигуй, Шигуй! Уходи скорее и уводи своих друзей! Эти псы жуткие, я один раз издалека их увидел — чуть со страху не умер! Нам-то в вольере ничего не грозит, они не проберутся внутрь, — Мякиш тревожно всматривался вглубь коридора через стекло и отчаянно торопил товарища.

— Шигуй, залезай скорее! — Сяо Хуэй, уже угнездившийся на спине Чёрного Пса, дрожал от нетерпения, мечтая поскорее убраться отсюда.

Чёрный Пёс приоткрыла пасть, собираясь осторожно подхватить Шигуя за шкурку, но тот ловко увернулся.

— А что будет через три дня? — спросил Шигуй, глядя на Изящного.

— Обречённые подохнут, уцелевшие протянут ещё неделю. Разве здесь бывает иной исход? — хмуро бросил Изящный.

Позади него испуганно сжалась толпа покалеченных, грязных зверьков. Они понуро опустили головы, безмолвно соглашаясь с его приговором.

— Я спасу вас, — твёрдо и отчётливо произнёс Шигуй, прежде чем запрыгнуть на спину

Чёрного Пса.

Изящный лишь безучастно отвернулся. Он не верил, что эта холёная, изнеженная домашняя свинка способна на подобный подвиг.

Чёрный Пёс рванула с места, стремительно перебирая мощными лапами. Шигуй крепко вцепился в её жёсткую, густую шерсть. Встречный ветер взъерошил шкурку Шигуя так, что он стал похож на пушистый шар. Оглянувшись, он увидел, как Мякиш усердно машет ему лапкой из-за железной сетки.

До него донёлся угасающий в шуме ветра голосок Мякиша:

— Сяо Шигуй, я буду ждать тебя! Я так долго не был дома, моя хозяйка, наверное, с ума сходит от горя. Жду не дождусь, когда снова её увижу. Она обязательно будет извиняться своим тоненьким голоском и пообещает больше никогда не взъерошивать мою мягкую шёрстку!

<http://bllate.org/book/18361/1787896>